



КОЛЕНОПРЕКЛОНЕННАЯ фигурка поющего Орфея — главный приз Международного фестиваля эстрадной песни «Золотой Орфей», который стал уже традиционным в Болгарии. Всего шесть раз из двенадцати вручался этот приз, и из них три раза — советским певцам. Сначала его привезла в Ленинград Мария Пахоменко, в прошлом году — в Алма-Ату — Роза Рымбаева, а двумя годами раньше этой чести была удостоена Алла Пугачева — исполнительница, о которой газета «Правда» писала, что она «не просто певица, но и актриса, она видит в песне кусочек жизни. Исполненные ею произведения сюжетны, наполнены глубоким смыслом».

По просьбе читателей наш корреспондент встретился с Аллой Пугачевой и попросил ее ответить на несколько вопросов.

— Алла Борисовна, те, кто давно следит за вашим творчеством, вправе считать, что ваша судьба на эстраде складывалась весьма нелегко: ведь признание — в полном смысле этого слова — пришло к вам только после десятилетних поисков. Так ли это на самом деле?

— Да, действительно, тринадцать лет назад я впервые вышла на эстраду в программе известных артистов А. Лившица и А. Левенбука. Я бы не назвала эту попытку успешной: профессиональный уровень был у меня тогда весьма низок, я боялась микрофона, и только какое-то чутье, природные, как мне говорили, данные позволили мне действовать на эстраде чисто интуитивно. Но ведь существуют законы сцены, которые непреложны для каждого актера. Я их тогда не знала и потому решила, что в данный момент на эстраде мне не место. Я поступила учиться в музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова, продолжала петь, но так, чтобы никто не видел, никто не слышал; чуть ли не до ночи оставалась в классах (благо, я жила рядом с училищем). Я попыталась петь лирические, красивые, казалось бы, песни, и получилось все вроде бы правильно, но это было что-то не мое. Вот тут как раз и появился тот самый барьер, который надо было либо переступить (а тогда у меня еще не хватало для этого мастерства и опыта), либо не переступать, а ждать того момента, когда я творчески подрасту. Ведь если бы мой «Арлекино» появился тогда, тринадцать лет назад, это было бы, наверное, богоухольством. А «Арлекино», исполненный Эмилем Димитровым, был написан и спет как раз в стиле того времени. Однако времена меняются, — и теперь та же самая песня может исполняться в другой манере и вообще нести в себе другое мироощущение. А в ту пору, понимаете, — то не мое было время. Ну, мне как-то хватило сил почувствовать это.

— Скажите, а есть ли у вас сейчас удовлетворенность своей актерской судьбой?

— Отчасти есть. Вы знаете, в последнее время я вдруг почувствовала, что те цели, которые я перед собой ставила, начинают осуществляться. Я всегда стремилась к тому, чтобы люди, которые приходят на мой концерт, уходили с него в хорошем настроении. Они могут погрузиться вместе со мной, повеселиться, но я хочу им понравиться. Как гостеприимная хозяйка. Я хочу, чтобы они вышли и сказали: «Как приятно было в гостях у Аллы Пугачевой». И сейчас у меня в этом

с разным содержанием, разными образами, но тембр моего голоса я постараюсь сохранить в каждой песне. И, может быть, теперь эта разнотембровость мне даже сыграет на руку.

— Зависит ли трактовка песни от состава аудитории? Что более влияет на интерпретацию: ориентация на определенного слушателя или какие-то внутренние причины?

— Как правило, на какого-то определенного слушателя я не ориентируюсь. Если бы, например, на моем концерте присутствовали только физики-атомщики или только студенты первого курса МФТИ... Но ведь так не бывает... Поэтому прежде всего я пою те песни, которые близки мне и которые я могу донести до слушателя. А у это его дело — принять или не принять. Но обычно они принимают, когда

нужно фильму. Потому что, как выяснилось в ходе съемок, режиссер видел в Анжеле натурную резку, настольную, прямолинейную. В результате — некоторое несоответствие.

Но это было раньше. А теперь я уже, наученная горьким опытом, все время пытаюсь совместить режиссерскую и композиторскую трактовки образа, дабы одновременно прийти к общему знаменателю. Это относится, в частности, к работе над фильмом «Ирония судьбы» (режиссер Э. Рязанов, композитор М. Таривердиев). Я записывалась по семь часов: три часа с композитором, потом приходил режиссер, все браковал, и три часа я записывалась с ним, и в последний час — седьмой — их мнения совпадали, я записывалась уже глубокой ночью — то, что было нужно, оба оставались довольны. А может быть, просто уставали, на ночь глядя. В конечном счете, слушатели все-таки приняли результат наших совместных поисков, и это — превыше всего.

— Как вы считаете, бывают ли у вас творческие неудачи?

— В последнее время у меня, кажется, идет полоса удач. Но я человек, в общем-то, суеверный, и никогда не загадываю, что будет завтра. Я глубоко убеждена в том, что успех нельзя эксплуатировать: чаще записываться на радио, сниматься на телевидении, чтобы тебя звали на улице и т. п. Я стремлюсь к тому, чтобы зрители и слушатели радовались не столько встрече со мной, сколько с моей новой работой, о которой могли бы сказать: «О! Молодец Пугачева! Опять интересно!». Вот чего я хочу добиться, а не того, чтобы скорее стать популярной. А в принципе залог всех удач и неудач, разумеется, — в выборе репертуара. Здесь я попросту не имею права ошибиться.

— И последний вопрос. Кто из советских и зарубежных вокалистов наиболее близок вам по духу и характеру исполнения?

— Сложно это все. Ну, начнем с того, что мой начальной школой были песни Клавдии Ивановны Шульженко. Из современных исполнителей, как «голосовая» певица, мне нравится София Ротару. Она не близка мне по своим творческим устремлениям, но я считаю, что она занимает достойное место на эстраде. Из зарубежных вокалистов мне близки Катариона Валенте, Барбара Стрейзанд, французские шансонье. Но идеалом для меня была и остается Эдит Piaф. Слушая ее песни, я постоянно ловлю себя на ощущении, что это моя мать — настолько я понимаю, что она делает и что она хочет сказать, мне это так близко, что просто мороз по коже... И вы знаете, очень близка мне Руслана. Видите, какие в общем-то разные люди, каждый по-своему, но близки они мне не по репертуару и не по манере, а по отношению к своему делу. По духу.

Беседу провел
М. АНЦИФЕРОВ.

Наш словарь: певцы и ансамбли

НЕ ПРОСТО ПЕВИЦА

смысле появилось какое-то спокойствие. Но спокойствие не творческое, а спокойствие сознания того, что я на верном пути, что не зря эти десять лет я от многого отказывалась, чтобы в конечном счете обрести на эстраде свою творческую индивидуальность.

— Как бы вы вкратце могли определить направление своих творческих поисков?

— Меня привлекают прежде всего песни с драматическим сюжетом, в которых можно было бы раскрыться и как певице, и как актрисе. Это привыкли называть «шансом». Сейчас таких песен пишется чрезвычайно мало. Один «Арлекино» не может все решить. И потому главное, чем я сейчас занимаюсь, — это выбор репертуара, который бы соответствовал моему творческому кредо.

— Подавляющее большинство эстрадных певцов стремится пронести через свое творчество вполне определенный образ лирического героя (героини), и какие-либо отклонения в этом смысле являются исключениями, которые лишь подтверждают правило. У вас, судя по всему, этот процесс идет совершенно иначе. В каждой песне вы стремитесь к перевоплощению. Не мешает ли порой такая устремленность формированию и сохранению творческой индивидуальности?

— Почти все время мне это мешало. Потому что я придерживалась того мнения, что сама песня должна определять, каким голосом ее петь и какой образ в ней создать. И иной раз получалось так, что поешь пять песен — и в них пять Пугачевых. Но уже теперь я, как говорится, умудренная опытом, решила, что песни у меня будут разные,

да в песне нет ни грамма фальши.

— Алла Борисовна, расскажите, пожалуйста, о своей работе в кино.

— Только что я закончила съемки в фильме «Женщина, которая поет». Его поставил на «Мосфильме» режиссер Александр Орлов по сценарию Анатолия Степанова. Это фильм о взлете певицы на эстраде, о том, как удача на сцене оборачивается подчас неудачами в личной жизни. Здесь мне впервые в моей кинематографической практике посчастливилось «выйти из-за кадра» и сыграть главную роль — певицы Анны Стрельцовой.

А началось все с фильма Павла Арсенова «Король-Олень». Надо сказать прямо, эта первая работа в кино далась мне нелегко. С музыкальной точки зрения это вроде бы и удача, ибо по настроению все получилось совершенно точно. А вот по актерскому воплощению характера кто-то из нас допустил неточность; либо я, либо исполнительница роли Анжели актриса Малявина. Когда я записывала вокальную партию Анжели, еще не было никакого отснятого материала, и потому, в некотором роде, мне пришлось работать вслепую. Более всего я ориентировалась на композитора: Михаил Таривердиев расписал мне буквально в каждой песне, что и как нужно делать. Наша Анжела была инфантильной и подчас капризной принцессой. Представление об этом характере у Валентины Малявиной поначалу также укладывалось в эту трактовку. Эта актриса обладает очень своеобразным тембром голоса, и я попыталась максимально приблизиться к нему, пела не своим голосом. Словом, получилось то, что было нужно композитору, но не совсем то, что

28 ИЮН 1978

ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА
г. Горький